

Тем не менее, выбор не велик. Если кто и сможет вышвырнуть его из Конохи, так это Хокаге, а чтобы пробраться туда без предупреждения Барьерных отрядов, придется потрудиться больше, чем хотелось бы Кураме. Сила у него, безусловно, есть, но она сродни силе Наруто. Ловкость - не то, что дается ему легко, и проскользнуть незамеченным...

Что ж. Даже Обито не смог этого сделать, когда встретился с Итачи перед Резней, а ведь его тренировал подлый ублюдок Мадара. По сравнению с ним Курама - ураган, пытающийся выдать себя за зефир.

Задыхаясь и почти стоная, Курама следует за Гончей, проскальзывая через темные нижние уровни и поднимаясь по лестнице. Вокруг него еще несколько АНБУ - он чувствует их чакру, хотя они, вероятно, пытаются спрятаться, - но он не обращает на них внимания, стараясь следить за голосом Гончей, а затем Сарутоби. Дверь кабинета распахнута, и Курама, напрягшись, касается спины Нахо, чтобы немного успокоиться, а затем переступает порог.

Острые темные глаза мгновенно встречаются с ним, когда сандайме грациозно поднимается на ноги. Курама благодарен Кураме за отсутствие мантии и шляпы, но от этого Сарутоби не выглядит менее опасным. Может быть, обычный человек и счел бы его стариком, но Курама чувствует, как под его кожей свертывается огромная, прекрасно контролируемая чакра, которая только и ждет, чтобы ее использовали. Это человек, который уверенно шагает по серому миру шиноби, переживший три войны. Курама никогда не увидит в нем ничего, кроме серьезной угрозы.

"Хокаге-сама, - тихо произносит он, кланяясь, насколько это возможно, чтобы не разбудить Нахо.

Сандайме слабо улыбается, глаза его прищуриваются. Это теплое выражение, скорее естественное, чем рассчитанное, и это одна из тех вещей, которые делают Сарутоби таким опасным. Каждый свой шаг он делает всерьез. Его убежденность - страшная вещь. "Я слышал, что ты Узумаки Курама", - тепло говорит он. "Значит, ты далеко от дома".

Курама слегка застывает на месте, и ему приходится заставить себя не сделать шаг назад. На полсекунды он видит только падающего Наруто, темное небо с нависшей над ними Кагуей, кровь на земле и запах гнили в воздухе. Это был дом, Наруто был его домом, а теперь...

"У меня нет дома", - низко и резко рычит Курама. Он осторожно снимает руки Нахо со своей шеи, усаживает ее в кресло перед столом Хокаге и делает шаг назад. Когда он поднимает взгляд, Сарутоби наблюдает за ним с чем-то неразборчивым на лице, и Кураме приходится стиснуть зубы, боясь снова наброситься на него с рычанием. Взяв рот под контроль, он переводит дыхание и говорит: "Миссия выполнена, верно? Тогда, если я вам больше ни для чего не нужен, мне нужно найти место для ночлега".

Последний отрывистый поклон - и это быстро надоедает, как бы он ни понимал, что если хочет слиться с людьми, то должен следовать их обычаям, - и он поворачивается на пятках, выходя из комнаты и не дожидаясь отставки. Это идиотизм - выказывать столь явное презрение, но...

Но это место уже достало его. Повсюду Коноха, повсюду снова появляются ранее мертвые лица, здания, которые Курама видел разваливающимися на куски, вновь становятся устойчивыми и крепкими. На улицах всего несколько человек, но в основном это шиноби, и от этого еще хуже.

Когда-то Наруто знал всех своих шиноби по именам. Он знал их лица, их дела, истории, о которых умалчивалось в официальных записях. Они любили его, а он любил их. Он умер за них, но они никогда об этом не узнают. Какая бы версия Наруто ни существовала, ему придется бороться за то, чтобы они признали его. Ему придется бороться, напрягаться и истекать кровью, лишь бы они перестали называть его монстром, лишь бы они увидели героя, а не джинчуурики, и Курама ненавидит их за это. Ненавидит всех до единого, от будущих товарищей Наруто по команде до самого старого мирного жителя, и...

Наруто не хотел бы этого. Наруто любит Коноху, любит ее жителей, как бы они его ни ненавидели. Маленькие кусочки обиды, гноящиеся в его душе, гораздо меньше, чем в чьей-либо другой. В первый раз Кураме пришлось покопаться, чтобы найти их. Это было трудно, и в любом другом человеке эта обида поглотила бы его на годы раньше. Но Наруто был и остается особенным и никогда не позволял чужим впечатлениям управлять им.

Курама должен уйти. Он должен увидеть, что Наруто жив, доказать это самому себе, а потом уйти. Акацуки знают, что за ними кто-то охотится, поэтому нужно действовать быстро, если он хочет застать их врасплох. Нельзя терять время: чем быстрее Акацуки уйдет, тем быстрее Курама сможет разобраться с Гедо Мазо - лучше всего, разбив его на мелкие кусочки и развеяв пыль по ветру.

Курама сжимает кулаки и с трудом подавляет чакру, которая хочет подняться, реагируя на угрозу, которой нет. Может быть, ему стоит сначала расправиться со статуей? Это сведет на нет проблему поимки Акацуки биджуу. Без места, где их можно запечатать, ловить их будет бесполезно. И не будет сосуда для Дзюуби, даже если им удастся его воскресить.

Кураме нравится этот план. Еще больше он нравится ему потому, что это означает, что он сможет применить всю свою силу и сломать что-то очень основательно.

В этом деле, по крайней мере, ему придется действовать тонко. Врываться на базу Акацуки - плохая идея, и хотя Курама не совсем против, он против того, чтобы его вырвали из тела и запихнули в демоническую статую. Опять же. Поэтому ему придется действовать, когда база будет пуста или хотя бы почти не занята. Это значит, что ему придется устроить какой-то отвлекающий маневр, но что может быть настолько важным, чтобы вытащить всех девятиерых членов Акацуки...

Рука на его плече, внезапно и неожиданно. Повинуясь инстинкту - наполовину это был хорошо запомнившийся рефлекс Наруто, а наполовину - воспоминания о руках с серыми полосами, тащивших шиноби на верную смерть, - Курама поворачивается, вскидывая когти. Когти скребут по фарфору, оставляя длинные царапины, и Курама отшатывается назад, сердце колотится в горле.

"Не делай этого!" - рычит он. "Ты хочешь потерять свою пустую голову?"

Он не может разглядеть выражение лица АНБУ, но у него возникает ощущение, что в его сторону выгнута бровь. "Упс", - безразлично говорит Гончая, поднимая руку, чтобы провести пальцем по длинным отметинам на своей маске. Затем он пожимает плечами и бросает Кураме конверт, который держит в руке.

Курама машинально ловит его, ощущая тяжесть. Судя по весу, он полон бумаги, и Курама, нахмурившись, открывает его. Рё, и их много.

"Если вы обменяли истребление бандитов на комнату, полагаю, у вас мало средств", - говорит Гончая, спокойно и как бы лениво. "Это половина оплаты за миссию. Хокаге согласился, что ты заслужил ее своей помощью".

Вспышка ярости застает Кураму врасплох, и он сжимает конверт в руке. "Мне не нужна твоя жалость", - рычит он, и единственная причина, по которой он не швыряет конверт прямо в лицо Гончей, заключается в том, что АНБУ увернется от него. "Мне не нужна ничья жалость! Я выжил сам, я могу..."

"Это не жалость", - отрезает Гончая, сохраняя спокойствие. "Ты был моим товарищем на этом задании и позаботился о девушке. Это то, что тебе причитается за это, а денег у меня более чем достаточно. Разделить плату для меня пустяк, но это поможет тебе снять комнату и поесть. Прими это". Кончик головы, тусклый в лунном свете, - и Гончая вскакивает на крышу и исчезает.

Курама не может пошевелиться, застыв на улице, и в ушах у него звенят слова этого человека. Ты был моим товарищем, - говорит он. Ты был моим товарищем, - так похоже на слова Наруто, сказанные ему на поле боя. Так похоже на то первое признание его как чего-то большего, чем бездумный злобный зверь. Так похожи слова, которыми он дорожил уже несколько десятилетий.